

На правах рукописи

МАКСИМОВ
Дмитрий Валентинович

**КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва 2007

Работа выполнена на кафедре культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств.

Научный руководитель: кандидат культурологии, доцент
Полетаева Марина Андреевна

Официальные оппоненты: доктор педагогических наук,
доктор культурологии, профессор
Аронов Аркадий Алексеевич

кандидат психологических наук
Гасанова Надежда Михайловна

Ведущая организация: Российский институт культурологии

Защита состоится 16 апреля 2007 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 210.010.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу: 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7, корп. 2, зал защиты диссертаций.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств, а с авторефератом – на сайте МГУКИ.

Автореферат разослан «15» сентября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук,
профессор

И.В.Малыгина

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исследования в области межэтнических конфликтов проводятся в рамках различных наук: социологии, конфликтологии, политологии и других дисциплин. Однако с позиций культурологического анализа эта проблема не получила до сегодняшнего дня полного и всестороннего освещения, что и является безусловным основанием для проведения историко-культурных исследований в этой области.

В связи с этим в рамках нашей работы анализируется ситуация, сложившаяся в Северокавказском регионе. Захлестнувшие страну в последние пятнадцать лет процессы социальной дезинтеграции и дестабилизации ставят перед наукой задачу их изучения с целью объяснения и выработки практических рекомендаций. Межэтническое противостояние, этносепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм стали заметной угрозой не только стабильности российского общества, но и безопасности страны. Кроме того, эти социокультурные явления сказались на геополитическом положении страны и её авторитете на международной арене. Задачи дальнейшей экономической и технологической модернизации, демократизации страны и становления гражданского общества не могут быть решены без преодоления социального кризиса и нынешнего характера социальных противоречий, без снижения напряженности в межэтнических, межконфессиональных отношениях, без борьбы с экстремизмом и терроризмом.

На Северном Кавказе существуют межэтнические конфликты, которые увязываются с высоким уровнем социально-экономических противоречий в сфере национально-государственного устройства, межэтнических отношений, с повышением статуса народов в иерархии национально-государственных образований. Значимым фактором является также то, что в данном регионе активно контактируют этносы и нации различных социокультурных типов и различных конфессиональных ориентаций (прежде всего христианства и ислама, затем ламаизма и иудаизма). Сложившаяся ситуация и развивающиеся процессы безусловно характеризуют регион как проблемный, и этим самым Северный Кавказ негативно влияет на развитие всего государства. Все это, несомненно, заслуживает внимания и требует ближайшего рассмотрения, благодаря чему станет реальным решение многих из сегодняшних проблем в недалеком будущем, в том числе благодаря культурологическим исследованиям.

При этом всё чаще ислам рассматривается как специфическая мобилизационная идеология для кавказских народов, как важнейший фактор нового национального самосознания, основание для создания самостоятельных государственных образований. В данном контексте резко повышается значение рефлексии культурного статуса ислама в единстве с традиционными основаниями национального самосознания. Это обстоятельство (религия в единстве с традиционной культурой) все чаще рассматривают как основную причину этнического экстремизма не только на Северном Кавказе, но и в современной России (в последнем случае в привязке к православию и другим конфессиям), тогда как это лишь следствие более глубоких процессов,

обусловленных кризисным состоянием этносов и наций.

Всё больше исследователей обращает внимание на то, что изучение сегодняшнего общества нуждается в глубоком переосмыслении механизмов взаимозависимости форм и методов политического реформирования, в анализе социально-экономических преобразований, в их сопряжённости с национально-культурной спецификой, со знаково-символическими основаниями национального сознания. При этом появляется возможность снять или снизить остроту межэтнических противоречий и конфликтов.

Степень разработанности проблемы. История исследования этнических конфликтов сравнительно молода, в то время как сами этносы изучаются давно и проявили себя как многоаспектное явление, требующее комплексного и междисциплинарного подхода, обращения к широкому кругу разнообразных источников. Превращение в *зарубежной конфликтологии* этнического конфликта (а в англо-американских работах — иногда этнорасового конфликта) в самостоятельный предмет научного анализа происходит в 1960 - 1970-е годы. Публикуются исследования М. Бэнтон, К. Дойча, Д. Кэмпбелла, Р. ЛеВайна, Р. Сегала, Г. Сетон-Уотсона, С. Энлоу и других авторов. В этих работах этнический конфликт становится если не уже самостоятельным объектом изучения, то, по крайней мере, занимает одно из главных мест. Шестидесятые и семидесятые годы можно рассматривать как этап накопления и первичного анализа эмпирического материала.

1980-е годы можно обозначить как этап разработки теоретико-методологических оснований мировой этноконфликтологии. Теоретико-методологические аспекты анализа этнических конфликтов затрагиваются в работах многих зарубежных авторов, таких, как Дж. Ваучер, Х. Блэлок-младший, Ф. Гросс, Н. Гонзалес, Дж. Кип, У. Коннор, Э. Кофман, Д. МакКерди, С. МакКоммон, М. Левин, Р. Премдас, С. Райан, С. Уильяме, М. Чисхолм, Р. Шервуд, Г. и Э. Элмеры, М. Эсман и др.

Современные зарубежные работы по этноконфликтологии имеют прежде всего прикладной характер, и этап развития этноконфликтологии с 1990-х годов до сегодняшнего дня можно обозначить как прикладной, или технологический. К такого рода работам следует в первую очередь отнести труды Е. Азара, Дж. Александера, Ф. Дьюкса, Дж. Коукли, Б. О'Лиари, Р. МакГарри, М. Раби, Л. Рангараджана, Дж. Ричардсона, М. Росса, Дж. Ротмана, Дж. Рубина, К. Руперсингхе, Т. Саати, К. Де Сильвы, Дж. Толанда и др.

Отечественная конфликтология стала развиваться с конца 1980-х - начала 1990-х годов. Отличительной чертой становящейся отечественной этнической конфликтологии можно считать то значительное внимание, которое уделялось и уделяется в работах российских этноконфликтологов теоретико-методологическим аспектам анализа этнических конфликтов, поэтому значимость работ отечественных конфликтологов в проблемном поле межэтнического взаимодействия значительно выше, чем у их иностранных коллег. По авторитетному мнению профессора В.А. Авксентьева, отечественная этническая конфликтология сложилась из нескольких интеллектуальных потоков, существовавших к концу 1980-х годов. Он выделяет пять мощных потоков, из каждого такого потока нами были выделены, изучены и использованы работы ведущих представителей, поскольку только таким образом мож-

но создать комплексную картину глубины и мощности каждого течения.

Во-первых, это группа историков и этнографов, в той или иной степени изучавших этнические конфликты в зарубежных странах и накопивших немалый объем эмпирических знаний об этнических, этнорасовых и этноконфессиональных конфликтах в разных странах мира. Речь идет о работах Ю.П. Аверкиева, Ю.В. Бромлея, Е.А. Веселкина, Л.М. Дробичевой, И.И. Жигалова, В.И. Козлова, С.Я. Козлова, А.П. Королевой, М.Э. Крамаревой, Е.М. Логиновой, С.В. Михайлова, Ю.С. Оганисяна, В.А. Тишкова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова и других.

Во-вторых, это достаточно многочисленный контингент специалистов в области национальных отношений советского периода, которые обратились к изучению этнических конфликтов в силу резкого нарастания этнической напряженности и актуализации многих ранее латентных этнических конфликтов в нашей стране. В этой связи необходимо в первую очередь назвать имена А.Г. Агаева, Ю.В. Арутюняна, Э.А. Баграмова, Т.Ю. Бурмистровой, М.Н. Губогло, Ю.Д. Дешериева, В.Ф. Рубина, М.С. Джунусова, М.В. Иордана, М.И. Исаева, К.Х. Ханазарова и других.

В-третьих, это психологическая ветвь отечественного обществоведения. В этом аспекте следует прежде всего назвать работы В.С. Агеева, Г.М. Андреевой, И.С. Кона, С.К. Рощина, Г.У. Солдатовой, В.А. Соснина, П.Н. Шихирева, А.К. Уледова и др.

В-четвертых, это сформировавшееся со второй половины 1980-х годов и в 1990-е годы достаточно мощное социолого-политологическое направление в отечественном обществознании. Многие из тех, кого можно отнести к этой научной традиции (А.В. Дмитриев, А.И. Дороченков, Ю.Г. Запрудский, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, Б.И. Краснов, В.И. Кудрявцев, Л.И. Никовская, Э.А. Паин, Е.И. Степанов, С.А. Эфирев), отводили если не главное, то значительное место в своих работах изучению этнических конфликтов.

В-пятых, это большая группа ученых в различных регионах Российской Федерации, прежде всего в регионах повышенной этнической конфликтности. В таких регионах сформировались школы и направления, функционируют лаборатории и центры, издаются немало научной литературы. К последней группе относятся В.А. Авксентьев, Е. Крицкий, Э.Т. Майборода, М.О. Мнацаканян, В. Мукомель, П.М. Полян, В.А. Тишков и другие исследователи, анализирующие ситуацию в Северокавказском регионе.

В диссертации использовались труды, посвященные проблемам межэтнического взаимодействия в России, его конфликтогенного потенциала, этноцентризма, изучению социально-психологического фактора в межкультурном, межконфессиональном диалоге.

Разрабатывая проблему определения сущности конфликта и его характерных черт, диссертант использовал работы А. Я. Анщупова, Е.М. Бабосова, Л.М. Дробичевой, А. Г. Здравомыслова, З.В. Сикевич, В.М. Степаненковой, В.А. Тишкова, Б. И. Хасана, А. И. Шциглова, В.А. Ядова, А.Ямслова, а также зарубежных ученых: Г. Хоффстеда, представителей конструктивизма: Б. Андерса, Ф. Барта, Р. Брубейкера, В. Доминигеза, Р. Липшутца, К. М. Янга.

Идеи, представляющие конфликт как позитивный фактор социокультурного

развития, отражены в работах таких ученых, как Р.К Болдинг, Р. Дарендорф, М. Дойч., Г. Зиммель, Л.А. Козер.

Конструктивистский, инструменталистский и релятивистский подходы к интерпретации феномена этнокультурной идентичности реализованы в исследованиях Б.Андерсона, Ф.Барта, К.Вердери, Э.Геллнера, Э.Хобсбаума, С. Хантингтона и других зарубежных исследователей, и впоследствии получили развитие в контексте российского этнологического дискурса, прежде всего в работах Р.Абдулатипова, А.Здравомыслова, В.Малахова, В.А.Тишкова, С.В.Чешко и других авторов.

В вопросах, посвященных теории этнологии, этнографии и культурологии, автор опирался на труды Ю.В. Арутюняна, Ю.В. Бромлея, Г.Д. Гачева, Л.Н. Гумилева, Л.М. Дробижевой, С.В. Лурье, И.В. Малыгиной, А.А. Сусоклова, А.Я. Флиера, С.М. Широкогорова.

Автор обращался к ряду исследователей, занимающихся разработкой оснований для последующей типологизации этнических конфликтов, среди них выделяются: В.А. Авксентьев, Л.М.Дробижева, Д.Б.Малышева, З.В. Сикевич, Г. Хофстед, Я. Этингер.

В своей работе автор опирался также на данные официальной статистики, результаты исследований различных социологических служб, материалы периодической печати.

Объект исследования - культура народов Северокавказского региона (чеченцев, ингушей, осетин). Выбор культуры этих народов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что российско-чеченский конфликт является вариантом кризисного взаимодействия кавказского народа и внешнего актора; в то время как осетино-ингушский конфликт предстает в виде варианта кризисного взаимодействия между этносами Северокавказского региона.

Предмет исследования – историко-культурные основания межэтнических конфликтов в рассматриваемом регионе.

Цель работы – выявление и анализ культурных оснований, влияющих на динамику межэтнических конфликтов на Северном Кавказе.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать различные типологии и динамику межэтнических конфликтов, существующие в современной науке.
2. Представить культуру как ведущий фактор межэтнического взаимодействия на современном этапе.
3. Создать культурологическую модель межэтнических конфликтов, базирующуюся на историко-культурных основаниях.
4. Рассмотреть культурные основания российско-чеченского конфликта.
5. Выявить историко-культурные аспекты осетино-ингушского конфликта.

Теоретико-методологические основы исследования. В работе учитывались теоретические разработки российских и зарубежных исследователей: социологов, конфликтологов, этнологов, политологов, а также материалы, содержащиеся в официальных документах органов государственной власти России. Методологической основой диссертации явились принципы объективности, конкретности, системного анализа

объекта исследования, в противоречивом единстве, взаимообусловленности и развитии всех его составляющих. Объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования сделали необходимым использование двух методологий: *неоэволюционизма* при рассмотрении генезиса и динамики межэтнических конфликтов и *психологической антропологии* при создании культурологической модели исследуемых феноменов.

Основными методами исследования стали: системный, генетический и факторный анализ; диалектический, исторический и логический подходы к явлениям и процессам общественной жизни. Автор опирался на междисциплинарный подход, широко использовал статистический и компаративный методы.

Гипотеза данного исследования состоит в предположении о том, что в качестве культурных оснований межэтнических конфликтов может выступать:

- рассогласованность ценностно-смысловых доминант в картине мира различных этносов, сопряженная с манифестированной конфессиональностью, что приводит к мобилизации этничности в кризисные периоды;
- актуализация историко-культурных конструктов, воспринимаемых этническим сознанием в качестве исторических причин конфликтов; при этом элита продуцирует как образы собственной этничности, так и образы других народов.

Научная новизна данного исследования заключается в следующем:

Во-первых, впервые глубоко изучен вопрос о культурных основаниях межэтнических конфликтов, на основании чего создана авторская историко-культурная модель изучаемого феномена. В качестве культурных оснований современных межэтнических конфликтов выступают: этническая картина мира, создаваемая на базе этнических констант; архаические представления, актуализирующиеся в кризисный период; этническая идентификация, выстраиваемая по принципу «свой» - «чужой»; манифестация религиозных или конфессиональных различий; манипуляция общественным сознанием с помощью средств массовой информации.

Во-вторых, выяснено, что с позиции культурологии, опираясь на основные положения конструктивизма, создать типологию межэтнических конфликтов на Северном Кавказе достаточно сложно, поскольку каждый конфликт своеобразен и уникален по набору культурных оснований, определяющих динамику развития кризисных ситуаций. Единственно возможным является деление конфликтов на «внутрикультурные», подразумевающие противостояние между автохтонными культурами Северокавказского региона, и конфликты «внешние», представляющие собой проблемные ситуации, возникающие между локальной этнической культурой и титульной нацией.

В-третьих, в работе представлены два аспекта протекания современных межэтнических конфликтов: реальный, сопряженный с анализом конкретных событий, и символический, связанный со спецификой конструирования конфликтной ситуации в сознании, ментальности, картине мира того или иного народа.

Практическая значимость диссертации видится в том, что выводы и результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы в

учебном процессе в рамках преподавания курсов по этнологии, этногенезу, социальной конфликтологии, геополитике в высших учебных заведениях по специальности «культурология»; а также в учебном процессе средней школы в качестве спецкурса.

Теоретическая значимость заключается в том, что в данном исследовании впервые создана авторская культурологическая модель с позиций теории и истории культуры для анализа современных межэтнических конфликтов; выявлены генезис, факторы динамики, сущность и культурные основания российско-чеченского и осетино-ингушского конфликтов; теория конструктивизма применена к конфликтному взаимодействию современных этносов.

Научная новизна раскрывается в положениях, выносимых на защиту:

1. Культурологическая модель современных межэтнических конфликтов базируется на методологии конструктивизма, согласно которой этничность предстает как порождаемое на основе дифференциаций культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины, созданные благодаря интеллектуальным усилиям элиты общества.

2. Единицей анализа является ситуация, в рамках которой разворачивается конфликтное взаимодействие. Поэтому для определения этничности решающее значение имеют те культурные характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы. Следовательно, элита может манипулировать маркерами этнической идентичности, способствуя как эскалации конфликта, так и его ослаблению и урегулированию.

3. В качестве первоосновы межэтнических конфликтов могут выступать представления людей (как на уровне бессознательного, так и сознательного) о культурных признаках, маркирующих «свое» и «чужое», выраженные в картине мира. Угроза разрушения картины мира является, на наш взгляд, одним из важнейших культурных оснований межэтнических конфликтов. Главная функция картины мира – функция психологической защиты, и именно потребность в наличии эффективного защитного механизма в условиях межэтнического напряжения приводит к формированию этнодоминирующей идентичности или этнического фанатизма.

4. Основанием межэтнических конфликтов может выступать так же стремление того или иного народа сохранить свою этнокультурную идентичность. В ситуации, когда хотя бы одному из маркеров идентичности угрожает мнимая или реальная опасность, этнос активно консолидируется и начинает конфликтные агрессивные действия, но не только за сохранение собственного языка, религии, территории и т.д., а, в первую очередь, за представления о собственном языке, религии, территории и т.д. как о маркерах этнокультурной идентичности.

5. Ценностный конфликт, чаще всего манифестирующийся в религиозной форме, как правило, фиксируется в этническом сознании. Более того, в период кризисного взаимодействия происходит актуализация архаических мифологических представлений, что на уровне элит может стать основой для создания эффективной идеологии «образа врага» в целях консолидации собственного этноса.

6. Важнейшим основанием межэтнических конфликтов является манипуляция

общественным сознанием в условиях современного модернизированного общества. Плотность информационных потоков очень велика при ограниченности психологических и аналитических ресурсов человека делает достаточно полное осмысление межэтнического конфликта невозможным и задействует механизмы экономии интеллектуальных ресурсов человека, которые активно используются при манипуляции в области межэтнических отношений.

7. На современном Северном Кавказе существует переплетение различных культурных оснований межэтнических конфликтов, что позволяет охарактеризовать этот регион как «клубок кавказской цивилизации». Каждый из проанализированных с позиции культурологии конфликтов уникален по своим причинам, динамике и следствиям. Уникальность композиции культурных оснований, доминанты которой обусловлены ситуативным фактором и культурной спецификой участников противостояния, делает невозможным создание единой типологии современных межэтнических конфликтов с позиций культурологии. Тем не менее, мы расцениваем российско-чеченский конфликт как «внешний», а осетино-ингушский конфликт как «внутрикультурный».

Апробация работы

1. По теме диссертации были опубликованы 4 статьи, суммарным объемом в 1,4 п.л. (см. список публикаций в конце Автореферата).

2. Материалы диссертации внедрены в учебный процесс МГУКИ, были использованы при разработке учебных курсов «Этнология», «Социальная конфликтология», «Социология», «Межэтническая конфликтология», «Этногенез», читаемых в Высшей школе культурологии МГУКИ.

3. По материалам диссертации соискателем был зачитан доклад на ежегодной аспирантской конференции Высшей школы культурологии «Современные проблемы исследований культуры»: в 2006 г. (№10) на тему «Межэтнический конфликт как деструктор культур народов Северного Кавказа». Текст выступления публиковался на сайте Высшей школы культурологии <http://yanko.lib.ru/hi-school/index.html> в марте-июне 2006 г.

4. Материалы диссертационного исследования были внедрены в учебно-образовательный процесс ГОУ Гимназия №1505 при разработке элективного курса «Введение в конфликтологию» и спецкурса «Современные этнические конфликты».

5. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и антропологии от 23 октября 2006 года (Протокол №2).

Структура и объем работы обусловлены поставленной целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, дается представление о степени ее разработанности, осуществляется постановка проблемы, целей и задач, формулируются методологические основания работы и положения, выносимые на защиту, определяется новизна и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Культурологическая модель межэтнических конфликтов: теоретический аспект» посвящена общетеоретическому и всестороннему анализу феномена конфликта, в ходе которого выявляются подходы к определению и рассмотрению этого термина, показываются основные типологии конфликтов, даются его дефиниции в сфере взаимодействия этносов, изучается генезис и динамика развития межэтнических конфликтов, анализируются ведущие основания межэтнических конфликтов. Первая глава состоит из трех параграфов.

Первый параграф «*Типология межэтнических конфликтов*» сосредоточен на разностороннем рассмотрении исследуемого феномена. В начале параграфа дается общая оценка социокультурного конфликта, говорится о его сложности, неопределенности и противоречивости, и в связи с этим, о неоднозначности в определении исследователями данного феномена; дается определение конфликта с позиций социологии, этнологии, экономики, политологии, истории, культурологии.

Далее в исследовании подвергается анализу вопрос о конфликтах в сфере межэтнического взаимодействия, для раскрытия которого необходимо осветить сам феномен этничности с актуальных научных позиций конструктивизма, который в этнологии выразился в появлении концепций, отрицающих объективный характер этнических общностей. Однако мы не столь категоричны и полностью разделяем научную позицию И.В.Малыгиной, по мнению которой, этничность представляет собой «сложный социально-психологический феномен, содержание которого сводится к осознанию общности и единства локальной (этнонациональной) группы на основе разделяемой культуры, психологическое переживание этой общности и культурообусловленные формы ее манифестации, как индивидуальные, так и коллективные».

Второй по значимости теоретический вопрос данной главы можно определить как вопрос о сущности этнического конфликта, и здесь мы рассматриваем точки зрения таких ученых, как В.А. Авксентьев, Л.М. Дробижева, А.П. Садохин, З.В. Сикевич, В.А. Тишков, А.Ямсков, а также точки зрения зарубежных исследователей-этноконфликтологов: Б. Андерс, Ф. Барт, Р. Брубейкер, Р. Дарендорф, Р. Липшутц, Г. Зиммель, Д. Хоровиц и других.

После рассмотрения мнений ведущих специалистов этноконфликтологии, которые предлагают различные типологии этнических конфликтов, во многом представляющие собой спецификации типологий в общей теории конфликтов, нами была рассмотрена так называемая «сферная» типология этнических конфликтов и, соответственно, выделены такие типы, как этноэкономический, этносоциальный, этнополитический и этнокультурный конфликты, с определением подтипов в каждой из названных групп. В целом, такая типология является «работающей», хотя и требующей уточнения. В конце первого параграфа подчеркнуто, что в рамках конфликтологического подхода эффективным можно считать такой выход из конфликта, в результате которого конструируется, создается новая система отношений между конфликтующими субъектами.

Второй параграф «*Динамика современных межэтнических конфликтов*» посвящен анализу генезиса и особенностям развития

рассматриваемого явления. В нем автором рассмотрены и оценены интересные точки зрения таких ученых, как А. Ямсков, Г.В. Старовойтова, З.В. Сикевич, однако, обобщая позиции указанных исследователей, мы считаем, что возможно моделирование динамики межэтнических конфликтов следующим образом:

В период зарождения конфликтной ситуации выдвигаются требования повышения роли языка коренного населения региона, национальные движения обращаются к традициям, обычаям народной культуры и этнонациональной символике, которые в своей совокупности противопоставляются аналогичным явлениям «чуждой» культуры. Эту стадию можно назвать ценностно-символической. Далее созревание конфликтной ситуации характеризуется стремлением перераспределить властные полномочия в пользу одной этнической группы за счет других групп, изменить этническую иерархию, повысить этнический статус коренных жителей и т.п. На этой статусной стадии конфликта этничность находит свое выражение в форме этнонациональных интересов и становится для местной элиты инструментом давления на центральную власть с целью реорганизации этнополитического пространства в свою пользу. И, наконец, конфликт развивается до стадии выдвижения либо территориальных притязаний в рамках данного этнологического государства, либо притязаний на создание новой этнонациональной государственности, т.е. изменения территориальных границ существующего политического пространства. На этой стадии этническая группа может прибегнуть к силовым действиям, чтобы силой оружия подкрепить свои притязания (А.П. Садохин). На наш взгляд, выдвигаемые требования позиционируются в сознании как маркеры этнокультурной идентичности того или иного народа.

Далее рассматриваются способы погашения ситуаций межэтнического конфликта: урегулирование этнических конфликтов требует нахождения нового, компромиссного и приемлемого для всех конфликтующих сторон баланса взаимодовлетворяющих интересов.

В заключение параграфа подчеркивается, что урегулирование и прекращение межэтнических конфликтов – жизненно важная необходимость существования любого полиэтнического сообщества. Конфликтные межэтнические отношения, характер и тенденции их развития по-разному влияют на социально-экономические, культурные и политические процессы. Они не просто задерживают и нарушают ход общественного развития, но и способны изменить всю его ориентацию, породить новые негативные тенденции, т.е. они закладывают основу для будущих конфликтов. Изучив типологию, причины и динамику современных межэтнических конфликтов, мы пришли к выводу, что с позиции культурологии эта проблема слабо изучена, что дает нам основание предложить собственную модель изучаемого феномена.

Третий параграф *«Анализ культурных оснований современных межэтнических конфликтов»* сосредоточен на выстраивании собственной авторской модели культурных оснований межэтнических конфликтов. В начале данного параграфа описаны представления, из которых предполагается исходить при реализации поставленной к параграфу цели. Современная конфликтология

принимает концепцию функционального конфликта Л.Козера, Э.Шилза, Р.Дарендорфа и др., то есть конфликта, ведущего не к деструкции общества, а, напротив, к его развитию. К тому же нельзя не учитывать того, что исследования по проблемам модернизации, современности и традиции, еще недавно носившие оптимистически-прогрессивную тональность, в последние годы столкнулись с фактом пластичности традиции, наличия в ней самой механизма принятия инноваций, сосуществования в ней креативного и консервативного компонентов. Начала размываться предполагавшаяся незыблемой граница между традиционным и современным обществами. Вопросы о том, как трансформируется традиция, чем объяснить ее внутреннюю подвижность и гибкость, не может оставаться вне поля зрения направлений, исследующих ментальность и картину мира. Вопросы, близкие к проблемам ментальности, затрагиваются и в исследованиях этничности. Эти исследования неразрывно связаны с конструктивизмом - той ветвью антропологии, которая развивалась главным образом в скандинавских странах (Ф.Барт и др.), англо-американской этносоциологией и теорией национализма (Э.Смит, Б.Андерсон и др.).

Далее осуществляется попытка интеграции психологической антропологии, социологии, социальной конфликтологии и культурной антропологии. С этих позиций, чтобы глубже понять условия и правила сосуществования этнических общностей, исследована структура психологии этноса, выявлена проблема «неразложимого остатка» психики, то внутреннее сознание и те стереотипы, которые позволяют человеку действовать так, а не иначе, делают его представителем определенного этноса. Содержанием центральной зоны этнической культуры (по С.В.Лурье) являются этнические константы, лежащие в бессознательном слое психики каждого члена этноса. Вокруг центральной зоны культуры кристаллизуется картина мира этноса. В различные периоды жизни этноса картина может меняться, но в каждом случае центральная зона культуры будет оставаться неизменной. Новая картина мира будет вновь кристаллизоваться вокруг нее, адаптируя центр к новым условиям (С.В. Лурье).

Уделено внимание и тому, что этническая картина мира – это некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса, которое выражается через философию, литературу, мифологию, идеологию и т.п. Оно обнаруживает себя через поступки людей и служит базой для объяснения людьми своих действий и поступков. Но при этом картина мира осознается членами этноса лишь частично и фрагментарно. Фактом осознания является не ее содержание, а ее наличие и целостность. При этом в один и тот же период различные группы внутри этноса могут иметь разные картины мира, у которых имеется общий каркас, но различаются сами здания (схемы), и логика поведения, исходящая из одного источника, на практике проявляется различным, порой даже противоположным образом.

Далее последовательно рассмотрены иные, но не менее важные культурные основания, из которых могут возникать и развиваться межэтнические конфликты, среди которых выделяются этнокультурные идентификации. Идентификация представляет собой процесс отождествления индивидом себя с этнической

общностью, позволяющей ему усвоить необходимые стереотипы поведения, требования к основным культурным ролям. В типах этнической идентичности выделяется агрессивный тип, сформированный в той или иной этнической культуре в качестве доминирующего; именно он может явиться одним из культурных оснований межэтнических конфликтов. Однако очевидно, что ситуационный фактор определяет саму возможность реализации агрессивных потенциалов этнической культуры.

Следующим культурным основанием, влияющим на любые межэтнические отношения, в том числе и на конфликты, является понятие этнической стереотипизации, находящееся в более поверхностном, осознаваемом слое психики. На социальном уровне этнический стереотип имеет две функции: идеологизирующую (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей поведение группы) и идентифицирующую (создание и сохранение положительного образа группы). Таким образом, основой межэтнических конфликтов с точки зрения культурологии является сама специфика функционирования этнического самосознания, которое строится по принципу бинарной оппозиции «свой-чужой». Однако это вовсе не означает войны «всех со всеми» по этническому признаку. Очевидно, что негативный потенциал может реализоваться только в конкретном историческом пространстве. Мы видим, что и в данном случае ситуационный фактор играет важнейшую роль.

Также отмечен религиозный фактор, являющийся культурным основанием, влияющим на возникновение межэтнической неприязни и, как следствие, зачастую ведущим к открытым столкновениям. Религия – это одно из исторических проявлений иррационального сознания людей, попытка выстроить целостное системное мировоззрение, упорядочить свои представления о бытии и создать психологически комфортное объяснение существующему миропорядку на основании идеи божественного сотворения и управления миром. Религия опирается на этическое учение о началах добра и зла (А.Я. Флиер). Таким образом, можно утверждать, что религия принимает непосредственное участие в трансфере «образа добра» и «образа зла», а также возможных вариантов действий, при которых добро побеждает зло. Автор полностью согласен с позицией Д.Б. Мальшевой, что религиозный конфликт является частью этнического.

Выстраивая культурологическую модель современных межэтнических конфликтов, мы вместе с тем не можем игнорировать такой фактор современной социокультурной ситуации, как манипуляция общественным сознанием. Главной чертой манипуляции как формы воздействия на общество является скрытность, то есть факт воздействия (управления) не должен быть замечен объектом манипуляции, а наблюдаемый ход вещей должен восприниматься как естественный и неизбежный. В параграфе показаны основные особенности такого явления, как манипуляция, и сделан вывод: манипуляции подвержены практически весь спектр человеческого восприятия окружающего мира, начиная с культурной сферы (знаковые системы (слово, изображение, звук), мышление, воображение) и заканчивая чисто физиологической (восприятие цвета, запаха, а также памяти и внимания) (С. Кара-Мурза). В целом можно сказать, что манипуляция общественным сознанием есть атрибут

современного модернизированного общества. Плотность информационных потоков в нем очень велика и постоянно растет, а психологические и аналитические ресурсы человека ограничены, что делает достаточно полное осмысление окружающего мира для него невозможным и задействует механизмы экономии интеллектуальных ресурсов человека, которые активно используются при манипуляции. Вместе с тем для очевидно, что манипуляция общественным сознанием оказывает огромное влияние на динамику современных межэтнических конфликтов.

Вторая глава **«Историко-культурный анализ межэтнических конфликтов в Северокавказском регионе России»** является эмпирической частью диссертационного исследования и состоит из двух параграфов, посвященных освещению межэтнических конфликтов с позиции выявления их ведущих культурных оснований в конкретных республиках Северокавказского региона Российской Федерации.

Первый параграф **«Культурные основания российско-чеченского конфликта»** открывается рассмотрением конкретных историко-культурных особенностей, прямым или косвенным образом повлиявших на конфликтную ситуацию. В ретроспективе конфликта, занимающей первую часть параграфа, показана история взаимоотношений чеченского и русского народов. Отмечается, что начало этих взаимоотношений относят ко времени царствования Святослава, затем в период правления Ивана Грозного произошло сближение Московского государства и Чечни. Однако представители российской государственности на Северном Кавказе впервые появились во время похода армии Петра I в Персию в 1722-1723 годах. В XVIII веке чеченцы активно переселялись с гор на равнину, после чего стали использовать набеги на русские поселения.

Говоря о вооруженной борьбе чеченского народа за свободу и независимость, подчеркивается, что она началась как ответ на попытки включения территорий, населенных горцами, в состав Российской империи. Шейх Мансур в 1785-1791 годах первым предпринял попытку объединения северокавказских народов под знаменем ислама в единое государство, отсюда берет начало чеченское национальное движение. Борьба с подобными проявлениями «самобытности» горцев вызвала ожесточенное сопротивление с их стороны, которое вылилось в полувековую Кавказскую войну 1817-1864 годов, после которой продолжилось «сползание» чеченцев на равнину: горцы успешно осваивали пояс предгорий и равнин, ведя комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Начавшаяся Гражданская война меняла политическую карту региона с калейдоскопической быстротой. Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является тот факт, что противостояние советской власти и населения Чечни началось сразу после отступления белой и прихода Красной Армии, а с зимы 1920-1921 годов восстания здесь не прекращались, обращается особое внимание на то, что в 1929, 1930 и 1932 годах восстания были жестоко подавлены. С началом Великой Отечественной войны и приближением немецких войск к Северному Кавказу в регионе вновь возобновилось повстанческое движение. Также в этом параграфе раскрывается роль депортации в истории развития, которая носила несправедливый характер, однако ее мотивация имела не этнические, а политические корни. В 1957 году решения о

депортации были признаны ошибочными, в связи с чем была восстановлена Чечено-Ингушская АССР.

В дальнейшем отмечается, что в конце 1980-х - начале 1990-х годов в Чечне усилилось движение за возрождение религиозных традиций, произошла актуализация этнического самосознания, в результате этих процессов был провозглашен суверенитет Чеченской республики. В период с конца 1991 до конца 1993 года Кремль одиннадцать раз выступал с инициативой по урегулированию ситуации в Чечне и разграничению полномочий между федеральными властями и Чеченской республикой, однако это не дало должного результата, а привело к эскалации конфликта, выразившегося в 1-ой и 2-ой чеченских кампаниях. Для разрешения конфликта российским руководством решено было поставить во главе Чечни представителя коренного народа; учитывая менталитет и религиозность чеченцев, идеальной кандидатурой могло стать духовное лицо, в результате президентом был избран муфтий Ахмат Кадыров. Далее обращается особое внимание на сложный процесс смены лидера Чечни от Алу Алханова к сегодняшнему президенту Рамзану Кадырову, с приходом которого открывается новая эпоха во взаимоотношениях между Кремлем и Чечней, характеризующаяся относительным спокойствием и взаимопониманием.

Далее в параграфе проведен культурологический анализ российско-чеченского конфликта, в котором раскрыты особенности проявления каждого из выделенных нами культурных оснований.

Отмечается, что ядром чеченской государственности и соответственно чеченского общества являлась и является уникальная система тейпов, содержащая в самой себе принципы и формы ответственной демократии, пронизывающие из личностной и групповой самоидентификации чеченского народа. Кроме того, важным элементом представлений этноса является адат. Адат – это обычное право, созданное на основе экономики и быта оседло-земледельческих и скотоводческих племен. Тейповая система как традиционный фактор оказывает сильное воздействие и регулирует общественные процессы. По свидетельству специалистов, еще в мирное время новая чеченская элита с помощью финансов, добытых не всегда законным путем, стала "поднимать" родные тейпы, подминая или смешивая старую номенклатуру, а вирды обеспечивали этот процесс религиозной харизмой. Война же привела к стремительной исламизации чеченского общества (Д.Б. Малышева).

В конце 1980-х годов в Чечне стал популярным лозунг «Нас – миллион», подразумевавший лидирующее положение чеченцев в Северокавказском регионе. В конце 1980 – начале 1990-х годов чеченцы вступили в критическую фазу своей идентичности, как этносоциального организма, претендующего на исполнение функции государствообразующей структуры – «нации». Но оказалось, что выход из критической фазы и начало реализации данной функции разделяет трудно преодолимая грань. Ее создали психологический, социокультурный и, по-видимому, другие факторы. Результаты процесса этнической консолидации и демографического «взрыва» оказались не столь значимыми и работоспособными, как могло казаться. «Революция» состоялась в отрицании внешней силы. Показательно, что даже весьма сдержанные в оценках авторы видят главную

причину трагических событий в Чечне последних лет в истории ее взаимоотношений с Россией, на протяжении двух столетий с периодичностью в 40 – 50 лет выливалось в форму насильственной борьбы. Безусловным фактором, влияющим на идентичность чеченского народа, является фактор вооруженного сознания. По мнению В.А. Тишкова, материализация чеченства произошла в условиях конфликта и глубоких общественных трансформаций «эпохи Горбачева – Ельцина». При этом раскрывается следующее положение: травма депортаций стала мобилизующей основой для групповой солидарности, чеченцы сумели «обучиться» ей, поскольку существовали предпосылки для этого.

Постоянная на протяжении последних столетий конфронтация с «внешним миром» в лице России, а также ее исторических правопреемников постепенно формировала основу консолидационных процессов внутри чеченского этноса. Далее обращается внимание на то, что первый чеченский этнограф и историк У.Лаудаев писал: «Чеченцы называют себя узденями... Слово уздень, заимствованное ими от соседей, означает у чеченцев: человек свободный, вольный, независимый, или, как они сами выражаются, вольный как волк». Поэтому изображение волка помещено на государственных гербе и флаге Чеченской Республики. Такую же опору указанным процессам стремились придать через поиск исторических связей с легендарными народами прошлого – хеттами, сарматами и др. Следующим в ряду символической опоры можно выделить необходимость наличия фигуры лидера чеченского народа, такими в свое время были: шейх Мансур, Бейбулат Теймиев, имам Шамиль, Джохар Дудаев, Шамиль Басаев и, бесспорно, действующий Президент Чеченской республики Рамзан Кадыров.

Чрезвычайно важным, по нашему мнению, является то, что чеченский конфликт несет на себе все признаки государствообразующего, поскольку силы чеченского сопротивления вооруженным путем пытались добиться обособления от России или, по крайней мере, обрести новый статус в рамках федерации. Этот конфликт содержит в себе элементы ирредентизма, так как содержит призывы присоединить к Чечне сопредельные территории, на которых проживают чеченцы. При этом особо выделяется то, что первой «государствообразующей» ценностью чеченцев является земля, территория, на которой расположена республика. Следующей важнейшей ценностью чеченцев является семья - «кирпичик», составляющий этот этнос. Еще одной важной особенностью предстает слой таких ценностей этноса, как язык, обычаи, сказки, предания, традиции, бытовая культура. И в прошлом, и в настоящем особое значение имеют традиции гостеприимства, родовой или соседской взаимопомощи, побратимства.

Раскрывая сущность картины мира, мы поддерживаем позицию, согласно которой религия принимает непосредственное участие в формировании характеров «образа добра» и «образа зла», а также возможных вариантов действий, при которых добро побеждает зло. Они заключают в себе систему верований, морали, права, образа жизни, а вместе с тем выступают как важный компонент социальной структуры и как социальный институт (А.Я.Флиер). Языческие верования оказывали влияние на духовную жизнь вайнахов вплоть до укрепления ислама. Исламизация — это длительный процесс, который начался во второй половине XVI века, а к

концу XVIII — началу XIX века ислам становится основой религиозной системы чеченцев. Христианизация на Северном Кавказе так и не превратилась в один из главных инструментов российской политики: российская экспансия стимулировала исламизацию на Северном Кавказе, в известном смысле способствовала консолидации внутри различных этносов, а также между ними. При этом отмечается, что апелляция Дудаева к национальным и исламским ценностям, его стремление придать войне с Россией характер межцивилизационного столкновения призваны были найти в религии некий мистический источник единства. Ислам стал играть роль мобилизующего фактора, поэтому апелляция чеченской оппозиции к исламским ценностям обусловлена, помимо внутренней, внешней целью: мобилизовать общественное мнение мусульманского мира, заручиться политической и финансовой поддержкой его ведущих государств.

В параграфе обращается внимание на то, что этнические стереотипы населения формируются, прежде всего, благодаря таким институтам социализации, как социальное окружение, семья, СМИ, которые на сегодняшний день являются основным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Появление любой темы в прессе обусловлено интересами правящих элит, которым выгодно определенная ориентация общественного мнения и сознания. К примеру, ситуация в Чеченской республике — это "антитеррористическая операция" или же процесс "наведения конституционного порядка". Военный дискурс конституируется в прессе по принципу разграничения: «свои» — «чужие» (федеральные силы — повстанцы, боевики). При этом создается и поддерживается необходимый имидж каждой группы.

В этом смысле весьма показательно сравнение тем русско-, англо- и немецкоязычной прессы, описывающих данный конфликт. В общем прослеживается такая закономерность: темы новостей прессы о Кавказской войне подчеркивают положительные качества мы-групп и отрицательные они-групп (различаясь "точкой отсчета" и ориентацией). Военный дискурс СМИ играет несомненно важную роль в манипуляции общественным сознанием. Комплексный систематический дискурс-анализ помогает не только выявить дискурсивные характеристики этнических стереотипов, но и влияние структур дискурса на массовое сознание (И.В. Жуков).

Второй параграф *«Осетино-ингушский конфликт: историко-культурный аспект»* является попыткой комплексного анализа динамики и культурных оснований противостояния двух автохонных народов Северокавказского региона.

В ретроспективе конфликта показана история развития напряженности между ингушским и осетинским этносами, глубинные причины которой своими корнями уходят в историческое прошлое и тоталитарные методы решения национально-территориальных проблем при создании федеративного устройства СССР. Безусловный интерес вызывает то, что свою позицию в территориальных спорах осетинская сторона обосновывает глубокими историческими экскурсами. Предки современных осетин населяли огромные территории Северного Кавказа с X века, когда Алания, приняв христианство, превратилась в раннефеодальное государство. В результате многих миграционных процессов, смещения племен и

народов, осетины к XIX веку жили на обоих берегах Терека. Ингуши же начали спускаться с гор и осваивать долины только при советской власти. После того, когда дважды - в 1918 и 1921 годах казаки подверглись жестоким репрессиям, а их семьи были выселены со станиц Сунженской линии, эти территории были заселены ингушами, которые занимали их до февраля 1944 года, то есть на протяжении 24 лет (М.О. Мнацаканян). В 1944 году произошли новые потрясения. Действительно, среди ингушей оказалось немало предателей Родины, но за них пришлось расплачиваться всему ингушскому народу. В феврале из сел Пригородного района, а также из Владикавказа были насильственно выселены ингуши, которым предъявлялось обвинение в измене Родине и политическом бандитизме. Произошли территориальные изменения, в ходе которых к Северной Осетии было присоединено пять районов упраздненной Чечено-Ингушской АССР. Отмечается, что совокупность несправедливых решений центрального руководства страны является первым культурным основанием будущего конфликта. При этом автор обращает внимание на тот факт, что депортация до сих пор остается болезненным вопросом среди ингушей, поскольку ее негативные последствия не будут решены никогда. Отсюда же выходит представление о собственном этносе как о жертве, что является результатом несправедливого отношения к ингушам. В 1957 году Чечено-Ингушская Автономная Республика была восстановлена, чеченцы и ингуши начали возвращаться в районы своего традиционного расселения, хотя в административном отношении Пригородный район остался в составе Северной Осетии. Тем самым уже тогда была создана почва для национально-этнической напряженности, которая в течение тридцати с лишним лет не давала знать о себе, но в начале 1990-х годов преобразовалась в открытый конфликт и вооруженные действия на территории Российской Федерации. Военный конфликт длился несколько дней осени 1992 года, после чего вмешательство российских войск наконец-то возымело должный эффект. Осетинская сторона в своей версии генерализации конфликта обратилась к истории Великой Отечественной войны и назвала действия ингушской стороны агрессией. Ингушская сторона избрала не менее жесткий термин, содержащий столь же широкое обобщение, - геноцид. Ближе всего к истине было бы признание того факта, что в данном конфликте на какое-то время одержали верх законы этнической войны, кровавой, беспощадной и жестокой. Особо подчеркивается то, что только в январе 1993 года обе стороны приступили к переговорам, а 18–21 марта 1993 года состоялась встреча президента Северной Осетии Ахсарбека Галазова и избранного накануне президента Ингушетии Руслана Аушева, однако ни те, ни последующие их встречи не приводили к достижению реального мира в регионе, поскольку для Ингушетии и для Северной Осетии-Алании Пригородный район – та территория, на которую должна распространяться политико-правовая власть, являющаяся прерогативой только одного государства. Другой контекст сохранения конфликта – его использование в качестве мобилизационного механизма, консолидирующего население той и другой республики и способствующего установления авторитарного типа политических режимов. Тем не менее, в результате усилий обеих сторон при посредничестве российских властей конфликт удалось перевести из открытой стадии в латентную.

В культурологическом анализе осетино-ингушского конфликта мы выделяем следующие культурные основания: этническая картина мира осетин, которая, как отмечает И.Л. Бабич, сформировалась в целом с ориентацией на Россию и российские ценности. Кроме того, ингуши и осетины считают священной землей землю своих предков и кладбища, на которых они захоронены. Поэтому сегодня Пригородный район в сознании ингушей и осетин определяется как земля предков, на которую они имеют право согласно традиции и преданию (О.В. Ляшенко). Мы подчеркиваем то, что сакрализация Пригородного района, его превращение из просто территории в некий сакральный образ территории, с которым оба этноса себя идентифицируют, является частью этнической картины мира обоих этносов. Представление осетинского этноса о себе в прошлом базируется на так называемой идее о “былом величии”, поскольку только некоторая часть осетин обозначают древних аланов как своих предков (Р.И. Джуссоев). Ингуши, напротив, не воспринимают свое современное состояние как кризис “былого величия”: для них более важно обладание “сакральной территорией”, кроме которой в этнической картине мира ингушей значительное место сохраняют традиции восприятия себя в образе цивилизованной жертвы внешних сил, требующей справедливости в отношении себя. Еще одна идея, по нашему мнению, составляющая часть этнической картины мира обоих этносов, проявляет архаические черты их мировоззрения: стремление к вечной неизменности реалий, что в этом случае является специфической формой, исторически утвердившейся в сознании.

Далее автором раскрывается идея, согласно которой доминантным мотивом в поведении осетин и ингушей всегда служило стремление защитить свою реальность от любых внешних посягательств, от любых внешних воздействий, будь то захватчики этой территории или же воздействие перемен, способных качественно трансформировать эту реальность. Одновременно, главным методом в этом стремлении служит, на наш взгляд, механизм внешнего покровительства. Однако идеологема покровительства создавала в сознании осетин определенное единство всей территории, включая Пригородный район Владикавказа, что явилось одной из причин создания новой столицы – города Магас. Это позволило смягчить конфликтность ситуации: получалось, война велась за часть прежней столицы республики, что явно носило некий дополнительный мобилизационный характер для осетин.

Исследуя проблему архаических представлений, автор отмечает, что у обоих этносов со Средневековья и до наших дней прослеживаются различные древние формы верований, среди которых особое место занимает тотемизм. Причем в осетинских сказаниях о происхождении народа от волка, а имя родоначальника нартов – Уархага, означает древнеосетинское слово волк (В. Абаев). Это суровое творение природы олицетворяет, по представлению древних осетин, не только коварство, жестокость, зло, но также храбрость, победу и заботу о пропитании. Что касается архаических представлений ингушей, то одним из наиболее почитаемых животных у ингушей был олень (З.А.Гадиева). Архаические представления обоих народов, на наш взгляд, дополняют идею о том, что ингуши в своей этнической

картине мира исходят из ощущения себя жертвой осетин, атаковавших их, словно хитрый волк, напавший на вольного оленя.

Далее раскрывается такое культурное основание, как религиозная принадлежность ингушей и осетин, которая зачастую является культурным основанием их конфликтности. Сегодня в республике Ингушетия преобладает исламская религия. Ислам проникал сюда из Кабарды, Чечни и Дагестана: в предгорьях его влияние прослеживается с XVI-XVIII веков, а в горной части - с XIX века. В сегодняшнем гимне Ингушетии звучат идеи о сложных испытаниях народа, которые ингуши смогли с честью пройти и закладывается надежда на то, что будущее будет красивым, великим и полным свершений. Во всех вариантах перевода гимна Ингушетии мы находим слова, обращённые к Богу: "О Великий Боже! Дай нам силы за кровь отомстить...". В этом сакральном тексте прослеживается идея о воздаянии за нанесенное ингушам оскорбление, поскольку сам по себе ислам не имеет в себе воинственных черт. Ингушский народ оказался не так сильно затронут христианской религией, как осетинский. К тому же, осетинские верования легче синтезировались с христианскими догматами, что привело к синкретичности характера взаимодействия и взаимовлияния христианства и традиционных верований осетин. Когда среди осетин стали появляться мусульманские проповедники, осетины не стали в массе принимать новую религию, пытаясь защитить свою идентичность. По версии автора, новая навязываемая религия в массе была отвергнута осетинами, посчитавшими ислам источником зла для своей идентичности, а для ингушей, напротив, новая религия стала вполне естественным вливанием в систему традиционных верований, постепенно вытеснив их, поскольку в среде ингушей христианство не было сильно закреплено.

Говоря о манипулятивном воздействии в зоне изучаемого конфликта, надо отметить, что в данном конфликте ведущим манипулятором выступал Кремль, который должен был исполнить роль «третейского судьи», однако полностью рассудить враждующие стороны Москве не удалось: российские власти в начале конфликта явно поддерживали и содействовали осетинской стороне, что явилось мощным и взрывоопасным фактором. Кроме того, спор двух представителей конфликтующих этносов - И. Гаглоева и Б. Костоева - на страницах серьезного российского издания «Независимой газеты» в середине 1997 года, по всей видимости, был направлен на привлечение внимания, прежде всего, широкой российской прослойки людей к проблеме урегулирования конфликта. Оба автора с искренней надеждой прибегают к помощи российских СМИ для того, чтобы Центр обратил внимание на нерешенные проблемы, так и оставшиеся после конфликта, и помог их разрешить. Однако Центр, как и демократическая партия в начале 1990-х годов, сам использует накопившиеся проблемы в собственных манипулятивных целях. Образ России как покровительницы обоих народов играл и продолжает порой играть злую шутку с обоими этносами: и осетинами, и ингуши полагают, что Центральная власть должна решить территориальный спор, перешедший в разряд трудноразрешимых конфликтов. Но то, каким образом и в чью пользу пойдет процесс урегулирования спора, каждая сторона воспринимает по-своему, в соответствии со своими этническими представлениями о России, о себе и о том

конфликте, что разгорелся между ними. Безусловно, что Россия идет по пути урегулирования, создав новую столицу Осетии – город Магас и снизив тем самым степень напряженности конфликта. Однако сказать, что конфликт был полностью разрешен, невозможно. Как нам представляется, центральная власть добилась того, что противостояние из открытой стадии перешло в латентную. На наш взгляд, полное урегулирование конфликта невозможно, и поэтому изменения, которые произошли благодаря усилиям Москвы, можно оценить как позитивные.

В заключении формулируются основные выводы по теме диссертационного исследования, подводятся итоги целостного рассмотрения межэтнических конфликтов в Северокавказском регионе, обозначаются дальнейшие перспективы их развития. Результаты работы могут быть использованы как основа для разработки проектов урегулирования описанных в работе конфликтных ситуаций.

Публикации автора по теме диссертации:

1. К проблеме культурных оснований межэтнических конфликтов // Вестник МГУКИ, 2007, №1, с. 40-42.
2. Межэтнический конфликт: общий обзор зарубежных концепций // Объединенный научный журнал, 2006, № 14, с. 38-41.
3. Пути решения современных этнонациональных конфликтов на Северном Кавказе // Федерация, 2006, № 8, с.4-10.
4. Кавказ: столкновение или диалог цивилизаций // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон. журн. — М.: МГУКИ, 2006— . — № гос. регистрации 0420600016. — Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Maksimov.pdf>, свободный — Загл. с экрана.

14

Подписано в печать 12. 03. 2007 г.
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 15 Ротапринт МГУКИ.